

УДК 303.446.4:340.141 (575.2)

**ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА И НАРОДНОГО СУДА
У КЫРГЫЗОВ В 1865–1928 гг. В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

С.М. Слесарев

Исследуются проблемы развития обычного права и суда биев у кыргызов в 1865–1928 гг. в советской и постсоветской историографии.

Ключевые слова: адат; суд биев; народный суд; судопроизводство; обычное право; историография.

**ISSUE OF DEVELOPMENT OF CUSTOMARY LAW AND PEOPLE'S COURT
OF THE KYRGYZ PEOPLE IN 1865–1925 IN SOVIET AND POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY**

S.M. Slesarev

The article investigates the problems of development of customary law and the biy's court of the Kyrgyz in 1865–1928 in Soviet and post-Soviet historiography.

Key words: adat; biy's court; the people's court; justice; common law; historiography.

Проблема параллельного существования двух юридических систем в Кыргызстане в 1865–1928 гг. – общероссийской и традиционной – в советской историографии до 60-х гг. не получила практически никакого освещения. Это было связано с тем, что, приступая к кардинальной трансформации всего социально-экономического фундамента народов бывшей Российской империи, коммунисты, исходя из догматов марксизма-ленинизма, должны были ответить на важный вопрос: какая формация на данный момент у того или иного народа? Так как основы социалистической экономики рождаются в недрах капиталистического общества, в худшем случае – с наличием в нем феодальных пережитков, следовательно, отсюда вытекал вывод, что переход к социализму не может произойти от рабовладельческой формации, а тем более от первобытнообщинной. Если с большинством народов европейской части России не возникало вопросов, что они находятся на капиталистической стадии развития, то по-другому дело обстояло за Уралом. Главная проблема заключалась в том, что у народов Сибири и Дальнего Востока, а также кочевников Центральной Азии сложно было найти признаки классового общества. И если народы Сибири и Дальнего Востока весьма немногочисленные и находящиеся в гомеостазе, существенной роли в глобальном проекте переустройства общества не играли, то закрыть глаза на многочисленное население Центральной

Азии было проблематично. Однако, как говорится, “коммунисты не искали легких путей” и вскоре были найдены многочисленные примеры “развитого феодального общества” в целом у кочевников и в частности у кыргызов, а так как судебная система является в антагонистических обществах лишь “прислужницей” эксплуататорских классов, то и исследовать особенно не нужно “второстепенные проявления” патриархально-феодальной системы, т. е. основы судопроизводства.

Вторым обстоятельством, препятствующим изучению обычного права и народного суда у кочевников, была следующая дилемма: с одной стороны, до 40-х гг. присоединение всех неславянских народов к России считалось актом агрессии царизма (концепция “абсолютного зла”) и, следовательно, одной из первоочередных задач советской власти являлось устранение “национального гнета” и восстановление “равноправия” путем создания национальной советской бюрократии; однако, с другой стороны, в период борьбы за власть и “монолитность партийных рядов” в начале 20-х гг. оказалось, что многие “товарищи” склонны к различным видам “уклонизма” (“левый”, “правый”, “мелкобуржуазный” и т. д.). Особенные опасения вызывал “националистический уклон”, разобраться в сущности которого весьма сложно, так как, если исходить из советской политики по созданию национальных партийно-государственных кадров, при этом учитывая, что “проклятый царизм” всяче-

ски препятствовал культурному развитию народов России, неизбежно следовал рост “национального самосознания”, что в свою очередь вело к определенным требованиям националистического характера. Но в то же время отрицалось значение национального фактора при социализме и упор делался на классовую однородность нового общества. Кстати, это тоже влияло на “формационную” проблему, так как необходимо было “отыскать” классы рабочих и крестьян (последних в обязательном порядке) у всех народов СССР.

Конкретные репрессии по обвинению в “националистическом уклоне” (Г. Сафаров, М. Султан-Галиев и др.) послужили жестким предостережением не только партийным функционерам в национальных республиках, но и для ученых, пытавшихся изучать социально-экономические, общественно-политические и культурно-ментальные особенности неславянских народов. Поэтому настоятельно “рекомендовалось” не лезть глубоко в эти проблемы, а ограничиться поиском доказательств наличия развитого феодализма с незначительными пережитками родовых отношений у кочевников Центральной Азии.

Таким образом, стали нормой оценки (весьма немногочисленные) роли и значения обычного права (адат) и народных судов в истории киргизского народа, такие как – “применяя нормы адата или шариата как в гражданских, так и в большинстве уголовных дел, “народные суды” тем самым в союзе с царскими чиновниками всемерно культивировали патриархально-родовые и феодальные отношения среди коренного населения” [1, с. 23]; “при господстве в аулах феодальных отношений манапство держало в своих руках <...> и местный суд, выдвигая и приводя в качестве биев своих людей <...> такой “народный суд” был в руках манапов очень сильным и острым оружием против феодального крестьянства, букары” [2, с. 51]; “в действительности суд биев был не “народным”, а классовым судом, защищавшим только личные и имущественные интересы господствующего класса <...> он был не справедливым и не “мудрым”, а лицемерным и подкупным. Для исхода дела суда биев решающим была не истина, а богатство и влияние потерпевшего или обвиняемого” [3, с. 64]. Но даже такие работы были немногочисленны. Так, в начале 60-х гг. Н.П. Кучерявый отмечал, что “нормы обычного права <...> организации суда и судопроизводства киргизов до Октябрьской революции и до настоящего времени глубоко не исследованы” [4, с. 29]. Поэтому не вызывает удивления, что в “Истории государства и права СССР” Кыргызстану отводится девять неполных строк, в том числе и обычному праву киргизов [5, с. 444].

Необходимо отметить, что начавшиеся в 60-х гг. исследования обычного права киргизов в дореволюционный период проводили фактически только юристы. Для историков же в 60-е гг. основной темой дореволюционного периода стала проблема присоединения и вхождения киргизских племен в состав России. Вопросы, связанные с обычным правом и судом биев, освещались в монографиях очень скупо по сравнению с другими особенностями общественно-политической жизни киргизов.

Ситуация стала меняться в середине 60-х гг., когда впервые появились сравнительно объемные исследования обычного права и суда биев у киргизов. Критически относясь к суду биев, советские ученые считали, что он и нормы обычного права действуют исключительно в интересах эксплуататорской верхушки (манапы, бии, баи). Так, К. Нурбеков утверждал, что “конечно, бии в своих решениях всегда отстаивали экономические и политические интересы господствующего класса, к которому они сами принадлежали” [6, с. 75].

Несколько позже появилась работа С.К. Кожоналиева (1967 г.). Оставаясь в целом на тех же критических позициях в отношении этих правовых институтов, он все же во многом избежал недостатков К. Нурбекова, хотя догматические привязки к “феодализму” существенно обесценивало полученные результаты исследования. Так, С.К. Кожоналиев считал, что “накануне добровольного вхождения <...> Киргизия была типичной феодальной страной с феодальной системой права, формальным и фактическим неравенством различных классов перед законом” [7, с. 41]. В отношении традиционной судебной системы он также придерживался “устоявшихся” взглядов: “Суд биев, возникший как специальный судебный орган, обслуживал патриархально-феодальный общественно-политический строй в Киргизии, с момента вхождения ее в состав России служил орудием царизма, русской буржуазии и помещиков” [7, с. 10]. Кстати, постоянное стремление “найти” в Кыргызстане “помещиков” являлось характерной чертой многих историков до 70-х гг.

С переходом к реальному обустройству присоединенных территорий возникла необходимость юридически закрепить новое положение дел. Так, в 1867 г. был утвержден проект “Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях”, по которому в отношении судебного устройства у кочевников сохранялись суды биев, ставшие называться “народными судами”, потому что они разбирали дела по “народным обычаям”. Однако и здесь видится негатив – “царская власть, чтобы затушевать в глазах народа классовое содержание суда, называло его “народным судом””

[7, с. 21]. Впоследствии российские власти, исходя из опыта, старались в различных положениях и указах уточнить нормы права и судопроизводства у кочевников. Тем не менее С.К. Кожоналиев считал, что “царские власти неоднократно стремились модернизировать и еще более приспособить проект Положения 1867 г. для колонизаторских целей” и “царизм разработал целый ряд других проектов и положений, которые были направлены на сохранение суда биев и обычного права как одного из средств торможения развития киргизского народа” [7, с. 23].

Вполне закономерные действия чрезвычайных съездов биев – выработка общих ереже, т. е. договоренностей по спорным делам – также встречались в штыки: “Разумеется, ереже чрезвычайных съездов биев составлялись с учетом выгоды киргизских бай-манапов и целей колонизаторской политики царского правительства” [7, с. 34]. Продолжая мысль автора, можно сделать вывод, что в интересах народа надо было полностью перейти к общероссийским судебным стандартам, однако не тут-то было, потому что “царские власти <...> хотели захватить юрисдикцию местного населения в свои руки и потому сокращалась область правоприменения “народных судов”” [7, с. 37]. Это по отношению к Положениям 1886 и 1891 гг., по которым недовольные решениями чрезвычайных съездов биев могли обращаться к уездному начальнику или губернатору, которые могли пересмотреть дело, т. е. для кочевников существовало право на апелляцию, но все равно это одно из “проявлений произвола, беззакония и угнетения царскими властями трудовых народных масс” [7, с. 25]. Хотя, если суд биев являлся несправедливым и действовал исключительно в интересах киргизской знати, то возможность оспорить его решения должно свидетельствовать о понимании властями недостатков народного суда и предоставлении рядовым общинникам права пересмотра дела, что, конечно, было в интересах народа.

После обретения независимости Кыргызстаном, естественно, значительно вырос интерес к истории киргизов по всем направлениям, в том числе и к судопроизводству по обычному праву. Исследования, как и в советский период, велись по двум линиям – юридической и исторической. Появившееся большое количество юридических отделений в новых вузах требовало и новой учебной литературы. Авторы, как правило, очень кратко касались периода 1865–1917 гг., ограничиваясь описанием судопроизводства без оценочных характеристик [8, с. 164–170].

Кроме новых работ переиздаются и некоторые советские монографии. Так, в 1999 г. было переиз-

дано учебное пособие К. Нурбекова без каких-либо изменений. Любопытно, что в предисловии С.С. Соданбеков считает, что работа не устарела [9, с. 4], что звучит очень, мягко говоря, оптимистично. В 2000 г. переиздается и монография С.К. Кожоналиева с незначительными изменениями. Хотя в отличие от К. Нурбекова, не дожившего до независимости (умер в 1984 г.), автор вроде бы должен был несколько изменить свои взгляды на проблематику. Однако, как говорит сам С.К. Кожоналиев о себе? “Автор <...> попытался показать и обосновать в этой работе произвол и тиранию киргизских феодалов и царских колонизаторов в отношении киргизского населения” [10, с. 8]. Поэтому неудивительно, что “вплоть до Октябрьской революции местные киргизские власти и суды биев, как и прежде, оставались органами насилия и совместно с царскими колонизаторами грабили киргизский народ” [10, с. 11]. Правда, в кое-каких моментах позиция С.К. Кожоналиева “смягчилась”: “Русское право <...> было гораздо более прогрессивным, чем местные порядки, например, были отменены членовредительские наказания <...> Взятки стали рассматривать не как почетные подарки – “тартуу”, а как уголовное преступление. Наказания должны были назначаться вне зависимости от сословной принадлежности преступника и его жертвы” [10, с. 181]. Кстати, С.К. Кожоналиев утверждал, что анализ обычного права киргизов в Кыргызстане делается впервые, т. е. им самим [10, с. 12]. С таких же марксистских позиций динамику развития судопроизводства до 1917 г. рассматривает и Э.Ш. Базарбаев [11, с. 58].

Однако помимо советских “эпигонов” и авторов учебников по истории государства и права, которые занимают довольно отстраненную позицию, стали появляться монографии, где делаются попытки объективно исследовать проблему без перегибов “вправо” и “влево”. Так, Н.Р. Розахунова считает, что “степное право кочевого общества <...> выступает как повседневная необходимость, а его выполнение обеспечивается глубоким убеждением в справедливости и необходимости этого порядка” [12, с. 181]. Также она положительно оценивает роль России в развитии судопроизводства у народов Центральной Азии: “Особенностью права России стало включение в себя систем права тех народов, которые к ним присоединились. Тем самым обеспечивался учет региональных и национальных особенностей населения империи” [12, с. 187]. В отношении же обычного права у киргизов Н.Р. Розахунова уверена, что присоединение к России упорядочило правовые обычаи, стало меньше злоупотреблений [12, с. 182]. Т.И. Ганиева также полагает, что под влиянием российского права в адате появляются но-

вые нормы, способствующие прогрессу и развитию цивилизации nomadov [13, с. 46, 59–60].

В отличие от юридического направления рассмотрение вопроса историками показывает, что они во многом отошли от крайностей советского периода. Так, П.П. Литвинов считает, что “эти суды (биев – авт.) были выборными и независимыми от власти” [14, с. 184]. Также он оправдывает достаточно редкие вмешательства администрации края в судопроизводство народных судов, так как для достижения эффективности их работы надо было “действовать методом “проб и ошибок”” [15, с. 54]. Академик В.М. Плоских отмечает, что “царская администрация мало вмешивалась в управление кыргызским населением” и “сохранила суд биев” [16, с. 171]. Ж.Б. Алымбаев подчеркивает, что сохранение для кочевого населения суда биев было важным моментом, так как происходило постепенное отделение суда от администрации [17, с. 220], при этом отмечается, что “хорошая организация русского судопроизводства постепенно будет преобладать над местным” [17, с. 223]. А.Л. Салиев также уверен, что “не всякое вмешательство русской власти в дела народных судов Туркестана было негативным” [18, с. 45]. Довольно противоречивую позицию занял А.В. Цой, который считает, что судопроизводство кыргызов в целом в 1865–1917 гг. было эффективным, хотя и с недостатками [19, с. 127]. В этом он видит заслугу российских властей: “Царская политика по отношению к судопроизводству по обычному праву (адату) в Туркестане отличалась толерантностью, известной гибкостью, взвешенностью подходов” [19, с. 171], хотя А.В. Цой и считает, что проект “Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей” 1867 г. явился шагом назад по сравнению с предшествующим “Положением” 1865 г., так как российские власти утратили право назначения и смещения “народных судей” [20, с. 71]. После таких оценок, тем не менее, следуют утверждения, что “выдвижение на судейские места представителей родоплеменной знати выхолащивало бывшие демократические, гуманистические и т. п. принципы” [19, с. 171], а также, что “царизм как политическая система выражал интересы эксплуататорских сословий, в том числе и среди кочевого населения указанного региона. Поэтому он не мог обеспечить судопроизводству по обычному праву (адату) в Туркестане действительно демократические и гуманные устои” [19, с. 171].

В заключение можно отметить, что период недолгого существования судов биев в 1921–1928 гг. (по некоторым данным – до 1931 г.) в советской

историографии почти не освещался. Так, в 1927 г. Н.Н. Фиолетов отмечал, что “бийские и шариатские суды еще оправдывали свое существование в среде коренного населения Средней Азии” [21, с. 140]. В.П. Шерстобитов (1968) ограничился одним предложением, что “в начале 20-х гг. учреждались суды биев с утверждением уисполкомов” [22, с. 226], а через 18 лет он добавлял, что “учреждая суды казиев и биев, Советская власть с бережным вниманием относится к местным обычаям и нравственно-правовым нормам, она выражает твердую уверенность в том, что трудящиеся не позволят использовать эти суды в интересах врагов пролетариата” [12, т. 3, с. 276], при этом применение норм обычного права допускалось в той мере, в какой они не противоречили духу и нормам советского законодательства [12, т. 3, с. 277].

В постсоветской историографии Кыргызстана данный период в истории функционирования судопроизводства по адату фактически вообще не рассматривается. Так, в учебнике “История государства и права Кыргызской Республики” в параграфе, посвященном судопроизводству 20-х гг., не упоминаются суды биев [8, с. 199–200], правда, говорится, что в 1927 г. в Кыргызской ССР стали признаваться уголовно-наказуемыми такие деяния, как кун, уплата калыма, бутум (вынесение решения по адату – авт.) [8, с. 198–199].

Подытоживая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Вопросы, связанные с изучением применения норм обычного права в народных судах (судах биев) у кыргызов в 1865–1928 гг. не получили достаточного освещения в работах советских историков по причине чрезмерного внимания к проблеме существования “патриархально-феодальных” отношений в кыргызском обществе.

2. Выводы, сделанные в немногочисленных работах советского времени по данной теме, отражали высокую степень непонимания и догматичность марксистско-ленинских подходов к особенностям организации и функционирования традиционных обществ.

3. В постсоветское время появились работы, в которых проблемы судопроизводства по обычному праву в указанный период стараются рассматривать объективно без “классовых” и “колонизаторских” ярлыков.

4. Приходится констатировать, что до сих пор в Кыргызстане не вышло ни одной монографии, основное внимание в которой бы уделялось вопросам функционирования судопроизводства у кыргызов по адату 1865–1928 гг.

Литература

1. *Дурманов Н.Д.* Уголовное право (Особенная часть). Преступления, составляющие пережитки родового быта / Н.Д. Дурманов. М., 1938.
2. *Омелин Н.Е.* История колонизации Средней Азии царской Россией / Н.Е. Омелин / Ташкентский финансово-экономический ин-т // Научные записки. 1948. № 3.
3. *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов / Т.М. Культелеев. Алма-Ата, 1955.
4. *Кучерявый Н.П.* Об основных направлениях развития правовой науки в Киргизстане / Н.П. Кучерявый // Материалы 12-й научной конференции проф.-препод. состава Киргосуниверситета. Секция юридических наук. Фрунзе, 1964.
5. *Юшков С.В.* История государства и права СССР. Ч. 1 / С.В. Юшков. М., 1961.
6. *Нурбеков К.* История государства и права Киргизской ССР / К. Нурбеков. Фрунзе, 1965.
7. *Кожоналиев С.К.* Суд и уголовное право киргизов / С.К. Кожоналиев. Алма-Ата, 1967.
8. *Борубашов Б.И.* История государства и права Кыргызской Республики / Б.И. Борубашов, З.И. Галиева. Бишкек, 2003.
9. *Нурбеков К.* История государства и права Киргизской ССР / К. Нурбеков. Бишкек, 1999.
10. *Кожоналиев С.К.* Обычное право кыргызов / С.К. Кожоналиев. Бишкек, 2000.
11. *Базарбаев Э.Ш.* Правовое сознание кыргызов / Э.Ш. Базарбаев. Ош, 2002.
12. *Розахунова Н.Р.* Дореволюционное развитие государства и права Кыргызской Республики / Н.Р. Розахунова. Бишкек, 2005.
13. *Ганиева Т.И.* Становление и развитие гражданского права Кыргызстана (1864–2005) / Т.И. Ганиева. Бишкек, 2005.
14. *Литвинов П.П.* Эпоха “анабиоза” в истории кыргызской государственности (опыт сравнительно-теоретического анализа) / П.П. Литвинов // Диалог цивилизаций: сборник статей. Бишкек, 2003.
15. *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе “военно-административного” управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец, 2007.
16. *Плоских В.М.* История кыргызов и Кыргызстана / В.М. Плоских. Бишкек, 2009.
17. *Алымбаев Ж.Б.* Общественно-политическая жизнь кыргызов в российской историографии втор. пол. 18 – нач. 20 вв. / Ж.Б. Алымбаев. Бишкек, 2009.
18. *Салиев А.Л.* Царская власть и народные суды кочевых населения Туркестана: проблемы взаимоотношений (по архивным, правовым и иным материалам) / А.Л. Салиев // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13. № 6.
19. *Цой А.В.* Обычное право и судопроизводство в системе административной политики царизма в Туркестане / А.В. Цой. Бишкек, 2010.
20. *Цой А.В.* Административный контроль царизма над судопроизводством по обычному праву в Центральной Азии / А.В. Цой // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 8.
21. *Фиолетов Н.Н.* Суды казиев в Среднеазиатских республиках / Н.Н. Фиолетов // Советское право. 1927. № 1 (25).
22. *История Киргизской ССР.* Т. 2. Кн. 1. Фрунзе, 1968.